

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

**Восточная Европа между двумя
смутами: феномен Великого
княжества Литовского**

Между двумя смутами в истории Восточной Европы – в Золотой Орде (вторая половина XIV в.) и Московском царстве (начало XVII в.) на землях древней Руси и будущей Российской империи возникло могущественное государство – Великое княжество Литовское. К сожалению, российская общественность не слишком хорошо информирована об этом политическом и социокультурном феномене, а ведь собиравшие русские земли под единым политическим управлением начинала не Москва, а Литва. В начале XV в. не только население Великого княжества Литовского на 9/10 состояло из жителей древнерусских земель, но и язык общения и официальных документов здесь был древнерусский, восточнославянская политическая элита принимала активное участие в жизни общества и государства.

Может ли история Литовского государства в XIII–XVI вв. в связи с этим рассматриваться как вариант развития российской цивилизации? Чем отличались тенденции эволюции государственной власти в Литве и Московском государстве? Каковы были различия в общественном развитии, формах самоуправления городского и сельского населения? Что было общего и различного в городском строе Литвы и Новгорода, Литвы и Западной Европы? Почему литовско-русский вариант российской цивилизации не смог стать господствующим? Редакция журнала предложила осветить эти проблемы двум ученым: ведущему специалисту по истории Великого княжества Литовского в Польше **Кшиштофу ПЕТКЕВИЧУ** (Krzysztof Pietkiewicz) – доктору исторических наук, директору Института Востока Познаньского университета им. А. Мицкевича и нашему постоянному автору **Эдуарду Сальмановичу КУЛЬПИНУ** – доктору философских наук, кандидату экономических наук, главному научному сотруднику Института востоковедения РАН, автору книг "Путь России" и "Золотая Орда"*.

Диалог-I: древнерусские княжества между Ордой и Литвой

Э. Кульпин: Незаслуженное пренебрежение историей Великого княжества Литовского начинается со школы. В эмигрантской литературе этой теме уделялось большое внимание [Пушкарев, 1991]. Но, например, в таком современном школьном учебнике, как учебник Н. Павленко и И. Андреева, объяснению того, что представлял собой сосед Московии, в общей сложности уделено менее страницы. Авторы ограничиваются указанием на то, что сначала литовским князьям удалось собрать под своей властью значительную часть древнерусского населения, а потом в этой массе произошел раскол на религиозной почве [Павленко, Андреева, 1997, с. 107, 121–122]. Почти ничего не говорится о порядках в Литве, об их отличиях от социального и политического строя Московского государства. В учебнике И. Ионов этот материал дан более развернуто. Но и в нем есть существенный дефект: он пре-

* Исследование Э. Кульпина осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 02-06-80184а).

дельно конспективен и рассчитан, скорее, на хорошо информированного историка, а отнюдь не на школьника [Ионов, 1998, с. 119–124]. Между тем здесь мы сталкиваемся с массой проблем, ключевых для истории данной эпохи. Попробуем обсудить их.

До XIII в. литовские племена не имели городов, жили в лесистых, заболоченных землях близ юго-восточного побережья Балтийского моря, отличались воинственностью¹, поклонялись силам природы. В XIII в. они стали объединяться перед лицом угрозы со стороны крестоносцев, объявивших крестовый поход против последних язычников христианской Европы. В целом война рыцарей против литовцев² продолжалась почти два столетия. Могла ли эта война стать причиной политической консолидации литовцев, формирования самодержавного государства?

К. Петкевич: Процесс объединения литовских племен князем Миндовгом, совпавший по времени с поездкой Плано Карпини ко двору великого татарского хана, имел глубокие внутренние причины. В это время мы наблюдаем между немцами и литовцами типичные феодальные войны. Они не носили выраженного религиозного характера. Внешние угрозы для Литвы исходили прежде всего от южнорусских князей. Наступление крестоносцев на Литву началось после смерти Миндовга и завоевания ими Пруссии, то есть в 1283 г.

Э.К.: И все-таки, как часто бывает при внешнем давлении, Великое княжество Литовское создавалось как самодержавное государство. Все в нем считалось собственностью великого князя – господаря, подданные которого обязаны были платить дань и выполнять различные повинности. Господарь правил с помощью своих родственников, которые занимали различные высшие должности и свободно распоряжались своей землей. Ниже стояли бояре. За право владения землей бояре обязаны были служить господарю как воины, налогоплательщики и управлять предоставленным во владение хозяйством. Бояре не имели права даже выдавать дочерей замуж без согласия великого князя. Они часто разорялись и переходили в ряды податного населения – крестьян. Разорившиеся крестьяне становились рабами – рабочей силой в поместьях князей и бояр.

К.П.: Да, такая картина общественно-политического строя Литвы (*patrimonium*) не вызывает у меня сомнений. Но она правильна лишь для XIII – начала XV вв. Далее нужны уточнения.

Э.К.: Ослабление славян после монгольского нашествия позволило распространить власть первого Великого князя Литовского Миндовга (убитого в 1263 г.) на соседнюю Черную Русь.

К.П.: Я бы сказал не "позволило", а "способствовало" закреплению власти Миндовга на русских землях. Черную Русь литовцы завоевали еще до 1219 г., что было закреплено договором Галицко-Владимирской Руси (княгини Романовой и ее сына Даниила) с объединением литовских князей, но борьба литовцев с Галицко-Владимирским княжеством за Черную Русь велась до начала XIV в.

Э.К.: Продолжателем дела Миндовга стал Гедимин (1316–1341), который укрепил государство. Сын Гедимины Ольгерд продолжил расширение земельных владений за счет присоединения русских земель. К концу XIV в. западнорусские земли в Великом княжестве Литовском составляли 9/10 всей территории и, учитывая отсутствие

¹ Плано Карпини сообщает о терзавшем путешественников страхе перед литовцами, которые "рыщут по дорогам от Польши до земли татар" [Плано Карпини, 1997, с. 71].

² Здесь и далее имеется в виду и литовское, и славянское население Литвы.

значительных различий в плотности населения разных областей, примерно так же население делилось на литовцев и русских. Гедимин стал первым из литовских князей именоваться великим князем Литовским и Русским.

К.П.: Это так, но нельзя забывать, что титул господаря не совпадает с названием государства. Как правило, князь перечислял в своих титулах все свои владения, однако – и это следует отметить – государство именовалось не иначе как Великое княжество Литовское. Гедимин использовал титулатуру: "letwinorum et multorum ruthenorum rex" – король литовцев и многих русских; "dei gratia litphinorum ruthenorum-que rex". До Ягайлы мы встречаем только титул великого князя литовского и русского (в 1385 г. – *dux magnus Litwanorum Rusiaeque dominus et heres naturalis* – великий князь Литвы и Руси государь и дедич прирожденный).

Э.К.: Я бы хотел обратить внимание на одно важнейшее обстоятельство: основные территориальные приобретения Великого княжества Литовского в XIV в. были за счет русских княжеств, находившихся в вассальной зависимости от Золотой Орды, и рост Литвы за счет русских земель в XIV в. происходил на фоне и вследствие ослабления Золотой Орды. Эпицентром ослабления стал социально-экологический кризис, охвативший одновременно природу и общество, разрушивший городскую степную цивилизацию – становой хребет великой империи, самого могущественного государства Восточной Европы первой половины XIV в. До тех пор пока Золотая Орда находилась в зените могущества, переходы русских княжеств под сюзеренитет Литвы, имевшие место в первой половине XIV в., не были необратимыми.

Ослабление Золотой Орды началось с эпидемии 1346 г. От чумы, прокатившейся по всей Европе, особенно сильно пострадало население Дешт-и-Кипчака, Крыма и Поволжья. В русских летописях говорится, что из-за чумы "в землях Узбековых... обезлюдели деревни и города". Только в одном Крыму тогда погибло свыше 85 тыс. человек [Сафаргалиев, 1996, с. 373].

Ситуация стала критической с началом гражданской войны в степной части империи – Великой Замятни (1360–1380), совпавшей со временем правления в Литве великого завоевателя – князя Ольгерда (1341–1377). Во время смуты ханы, сосредоточенные на междоусобной борьбе, не только утратили свое влияние в соседних странах, но потеряли власть над тюркскими родами даже в доменных владениях³. В степных центральных областях усилились сепаратистские тенденции, способствовавшие распаду Улуса Джучи. Синяя Орда, располагавшаяся в азиатской части империи, превратилась в независимое государство. Золотая Орда утрачивала свои западные и юго-западные улусы. Киевские князья признали своим номинальным сюзереном Гедимина еще до Замятни. Но реально в состав Великого княжества Литовского Киев вошел в 1362 г., когда принял наместником сына Ольгерда Владимира; Волынское княжество в 1366 г. было захвачено поляками.

На мой взгляд, именно с ослаблением Золотой Орды присоединение Литвой русских княжеств стало необратимым. На землях недавних вассалов Орды к концу Великой Замятни образовалось огромное новое государство – Великое княжество Литовское, простиравшееся от Балтийского до Черного моря и включившее в себя территории современных западной Латвии, Литвы, Белоруссии и половины Украины. Во время Замятни "западная граница владений темника Мамай, стоявшего тогда во главе Западного улуса, проходила через Мамаево урочище и реку Мамай-Сурка на днепровских порогах; дальше этой границы власть татар на запад не распространялась" [Сафаргалиев, 1996, с. 365].

³ Даже в Крыму, который из-за зимних пастбищ всегда был сферой особого внимания ханов, "генуэзцы и венецианцы, пользуясь безвластием, значительно укрепили свое положение" [Сафаргалиев, 1996, с. 385].

В результате гражданской войны были опустошены степные города, их промышленности и культуре нанесен непоправимый урон. Окончательно степная гардарика – уникальная степная цивилизация была разрушена нашествием Тимура в 1395 г. В расцвете могущества Золотой Орды при ханах Узбеке и Джанибеке был возможен отход русских княжеств от Орды к Литве, но он не мог быть безусловным. Смута позволила не только юридически, но и фактически закрепить новый статус земель. Добровольность перехода русских княжеств под сюзеренитет Литвы была обусловлена разнообразными факторами. Экономическими: полным или частичным освобождением от дани, которая в условиях смуты становилась нерегулируемой и потому временами чрезмерной. Политическими: стремлением уйти из зоны политической нестабильности – гражданской войны – в область почти независимого и стабильного существования. А также, не исключено, – религиозно-идеологическими, которые столь часто в средневековье оказывались преобладающими. Недаром первый массовый уход русских княжеств из доселе веротерпимой и поликонфессиональной Орды в веротерпимую языческую Литву произошел при Гедимине (1316–1341), то есть одновременно с интенсивной исламизацией языческой верхушки Золотой Орды при Узбек-хане (1312–1342). Переход под сюзеренитет Литвы имел не только положительные, но и отрицательные, даже опасные стороны. Ранее западноевропейские крестоносцы не нападали на русских – вассалов Орды. Переход русских княжеств в Литву давал возможность крестоносцам нападать и на русские княжества, не опасаясь возмездия со стороны татар.

К.П.: Я согласен с тем, что становление и развитие Великого княжества Литовского нельзя рассматривать в отрыве от процессов в Золотой Орде. Но в связи с этим относительно Южной Руси я хотел бы добавить, что, по утверждению киевского ученого Ф. Шабульдо, Ольгерду эту землю особым ярлыком отдал Мамай (статья в печати).

Э.К.: Вначале медленное, а затем быстрое расширение Великого княжества Литовского происходило не путем завоевания новых земель, обычно сопровождающимся насилием над местным населением, но за счет добровольного вхождения русских княжеств, делавших свой выбор между Ордой и Литвой в пользу последней. При вхождении в Великое княжество Литовское русские удельные князья не всегда фиксировали условия отношений конкретным официальным документом – договором. Однако генеральный принцип – гарантии идеологической и социальной суверенности правителями Литвы не только четко и недвусмысленно провозглашался, но и соблюдался. Это был принцип: "мы старины не рухаем, а новин не уводим". Как писал, ссылаясь на И. Лаппо и М. Любавского, С. Пушкирев, русские области, присоединяясь к Литве, ни в какой мере не испытывали национального или религиозного гнета или какой-либо ломки в строе и характере местной жизни. "В большинстве западнорусских земель сначала оставались на своих местах прежние князья – Рюриковичи, признавшие над собой верховную власть Великого князя Литовского; в некоторых областях их заменили литовские князья – Гедиминовичи, но за исключением этого, никаких существенных перемен не происходило. Литовская верховная власть была совершенно чужда тенденции к нивелировке областной жизни... Таким образом, существенной чертой государственного строя Великого княжества Литовского был его федеративный характер (в противоположность московской централизации)" [Пушкарев, 1991, с. 116–117].

К.П.: Ослабление Золотой Орды действительно способствовало укреплению власти Литвы над русскими княжествами. Но далее не со всем могу согласиться. После завоевания русских земель, удельных князей везде заменяли Гедиминовичи со своими дружинами. Во времени правления Витовта ни один русский князь не сохранил своих уделов. Рюриковичи в Литве правили только на верхнеокской территории,

восточной Смоленщине, Вязьме, завоеванных в XV в. Согласно польским исследованиям, посвященным политической жизни Литвы XV–XVI вв., князья сохранили свои титулы, но Витовт и его наследники стремились уравнивать их с рядовой шляхтой, и процесс "уравнивания" завершился в середине XV в.

Литовская знать быстро воспринимала русскую культуру, но не политические взгляды. Термин "Литовско-Русское государство", принятый Любавским, – плод воздействия царской цензуры, которая запрещала в печати использовать название Великое княжество Литовское. Любавский поддержал в науке установку имперской пропаганды, согласно которой Литовское государство возникло как дело русинов, которые цивилизовали диких литовцев. Однако фактом является то, что Литовское государство было делом могучей военной организации литвинов. В титуле Гедимина и его наследников слова "великий князь русский" означали лишь претензии на правление всей Русью (см. Письмо Ольгерда к римскому императору Карлу IV).

Проблему федеративного или конфедеративного характера Литовского государства я разработал в книге "Великое княжество Литовское под управлением Александра Ягеллона" [Pietkiewicz, 1995]. Литовское государство никогда не было федерацией. Ошибка идет от сравнения со специфическим строем Московии XVI в. Административный строй Литвы уже в конце XV в. был фактически централизованным. Между строками пишет о том и Любавский. Централизацию начали Ягайло и Витовт отменой удельных княжеств на переломе XIV–XV вв. Тогда места почти всех Гедиминовичей были заняты наместниками (воеводы и старосты). Закончил процесс централизации власти Казимир в 1471 г., интегрировав земли Киевского княжества. Зависимые княжества остались лишь за Днестром в части Черниговско-Северской земли и на Московском пограничье, где Литва не сумела и не хотела создавать централизованную организацию обороны.

Э.К.: Как констатируют современные польские историки, "подавляющее большинство населения Великого княжества Литовского – целых 80% – составляли православные русины, жители бывших русских княжеств. Литовцы охотно заимствовали их культуру, обогащенную византийскими влияниями. Русский язык стал даже официальным языком в государстве" [Жарын, 1995, с. 58].

К.П.: Можно добавить, что Ольгерд крестил в русскую веру 6 из 12 законных своих сыновей, которых предназначил для владения русскими землями, но 6 оставил в язычестве для владения литовскими землями.

Э.К.: После смерти Ольгерда (в 1377 г.) Великим князем Литвы стал один из сыновей Ольгерда и тверской княжны Ульяны – Ягайло, воспитанный матерью "в традициях византийской культуры, поклонник живописи и музыки, владевший русским языком и кириллицей" [Жарын, 1995, с. 55]. Переломным моментом в истории Великого княжества Литовского считается уния (союз) Польши и Литвы для борьбы против общего врага – Тевтонского ордена. Для этого Ягайло крестился по латинскому обряду и стал польским королем.

На Литву усилилось давление крестоносцев. Но всеевропейская поддержка крестовых походов могла продолжаться лишь до христианизации литовцев. «"Крещение по латинскому обряду при посредничестве Польши не только лишало крестоносцев аргумента, оправдывающего их непрерывные походы на Литву, но возвышало одновременно великого князя и его братьев (а их у него было 11), многочисленных двоюродных братьев и литовскую знать над русскими князьями и боярами, устраняя присущее им ощущение неполноценности по отношению к русинам", – отмечает Ю. Бардах. Вступление на польский престол поднимало также самого великого князя над другими членами правящей династии, значительно укрепляя его позицию в государстве» [Жарын, 1995, с. 99].

К.П.: На мой взгляд, создание союза против общего врага не было главной причиной унии. Польша имела вечный мир с Орденом с 1343 г., и никакой угрозы с этой стороны для нее не было. В 1401–1409 гг. Ягайло долго убеждал польских панов, которые не хотели войны с Орденом. Тезисы об антиорденских мотивах унии в польской историографии имеют политические, а не научные основы. Главной причиной унии было достижение компромисса между Польшей и Литвою, касающегося владения Русью. Война за русские земли между Польшей и Литвою продолжалась с перемириями до 1440 г. В ходе ее поляки завоевали Галицкое княжество и Западное Подолье, Литва – Волынь.

Э.К.: Ситуацию после унии, наверно, нужно рассматривать отдельно. Но до нее Западная Европа для литовцев была враждебным миром. В средневековье самым большим насилием было насилие конфессиональное. Не желавших креститься язычников крестоносцы физически уничтожали, крестившихся превращали в рабов. Западная Европа была чужой, Русь – своей. Великое княжество Литовское было *de facto* литовско-русским государством. Неоспоримо, что при возникновении Великого княжества Литовского культурное русское влияние на литовскую элиту было весьма существенным. Гедимин и его сыновья были женаты на русских княжнах, постепенно обрусевали, некоторые из них крестились в "русскую веру". При дворе и в официальном делопроизводстве господствовал русский язык, что было естественным в условиях, когда литовской письменности еще не существовало.

Процесс сближения Литвы и Польши от формального союза с единым сюзереном до единого государства растянулся почти на полтора века. Этот союз спровоцировал изменения почти во всех сферах жизни. Изменилась система государственного управления. Возникла четкая сословная социальная структура населения и социальных отношений. Города получили самоуправление по так называемому магдебургскому праву. В землепользование пришли крупные высокопроизводительные товарные хозяйства – фольварки. В культуре и образовании появилась возможность приобщения к достижениям европейского ренессанса, особенно после создания Ягеллонского университета в Кракове. Но рядом с русским населением Литвы остались другие русские княжества под сюзеренитетом сначала Золотой Орды, а после ее распада – центральной ее части – Большой Орды. Затем на месте этих княжеств образовалось Московское государство. Иными словами, рядом шла другая жизнь русского народа. Перед ним стояла проблема цивилизационного выбора: сохранять основные традиционные ценности или вестернизироваться? Главные вопросы здесь: как протекал процесс вестернизации по-польски, каковы были издержки для русского населения и какие процессы протекали в это время в Северо-Восточной Руси, оставшейся вне Великого княжества Литовского?

Процесс сближения Литвы и Польши происходил одновременно с завершением массового перехода земель из Орды в Литву, а затем на фоне противостояния Польши и Московии. К середине 1430-х гг. подавляющее большинство русских княжеств (по территории и населению) вошло в состав Великого княжества Литовского. Даже торговые республики – в 1426 г. Псков и в 1428 г. Великий Новгород – платили Великому князю Литовскому Витовту "окуп" и признали его своим сюзереном, а с 1425 г. он стал формальным опекуном московского князя Василия Васильевича. Стоит специально подчеркнуть то, что российской историографией замалчивается: первое тотальное, а не локальное объединение русских земель после Киевской Руси произведено не Московским княжеством, а Великим княжеством Литовским.

Но все же не все русские земли ушли к Литве. Вне ее остались три северо-восточных княжества: Московское, Тверское и Рязанское, продолжавшие платить дань Орде. Но из всех русских княжеств эти княжества были политически самыми значительными, неслучайно они именовались "великими".

Для русских княжеств выбор между Ордой и Литвой в первой половине XV в. был политическим, но не мировоззренческим; причем не столько внешнеполитическим

(между двумя центрами силы), сколько внутривластным. Проблема была не столько в том, кому подчиняться, сколько в объеме власти, которую будет иметь местная русская элита. Внутривластная компонента, в частности, была преобладающей оттого, что во второй четверти XV в. Орда перестала быть тем политическим центром, за которым стояло не просто военное, но и экономическое могущество. Военная мощь степняков, лишенная развивающегося, прочного промышленного тыла, упала до уровня производственных мощностей кочевого общества и все более отставала и экономически, и технологически не только от Западной, но и от Восточной Европы – Польши, Литвы и даже Руси.

Почему же три великих княжества остались верными преемнице Золотой – Большой Орде? А. Горский объясняет сохранение отношений сюзерена и вассала в условиях, когда вассал стал сильнее сюзерена, только традицией уважения русской политической элитой верховных правителей Золотой Орды – Чингизидов. Как к третьей судьбе продолжали обращаться к ослабевшему в военном отношении хану, а Иван III – могучий Государь Всея Руси продолжал выполнять традиционный ритуал почтения к послам хана, вызывая тем гневное возмущение его жены Софьи Палеолог [Горский, 2000, с. 141, 167].

Причины уважения Чингизидов на Руси можно видеть в том, что изначально ханы совершенно не вмешивались в ее внутреннюю жизнь, то есть не входили в конфликт с основными устоями жизни массы населения. Однако так, подчеркну это, было и в Великом княжестве Литовском до его сближения с Польшей. Далее, татарская власть не только не притесняла иноверцев, но поддерживала режим наибольшего благоприятствования для православной церкви, что позволило именно во время доминирования Золотой Орды осуществить христианизацию основной массы крестьянского населения Северо-Восточной Руси⁴. В Литве, если и не было режима наибольшего благоприятствования, подобного ордынскому, то не было и притеснений православных на религиозной почве. Но главное – чингизиды не пытались подменить собой великих князей, а степную знатю – русскую знать, то есть не делали того, что делали гедиминовичи в отношении русской знати.

Таким образом, важнейшее отличие жизни русских в Литве и в Северо-Восточной Руси было не в обыденной жизни простого народа, не в конфессиональных утеснениях, но во *властных полномочиях местной элиты*. В Литве русские князья, сохраняя титул, теряли власть. В составе Орды они ее не теряли. Других принципиальных отличий я не вижу. С началом объединения Польши и Литвы ситуация принципиально изменилась. Выбор, где жить – в Литве или Московии, стал иным: мировоззренческим, цивилизационным. Этнически Польша была частью славянского мира, но мировоззренчески – частью западноевропейской цивилизации.

Диалог-2: русские земли между Москвой и Польшей

Э.К.: Начало процесса сближения Литвы и Польши представляется таким. Переговоры польской знати с Великим князем Литовским завершились подписанием в 1385 г. в Креве договора, по которому Ягайло обязался освободить пленников, угнанных в Литву за многие годы набегов на Польшу, "земли свои Литвы и Руси присоединить на вечные времена к Польскому королевству" и привести к христианству своих подданных. Одновременно польская сторона обязалась, что если Ягайло умрет, не оставив наследников, не избирать без согласия Литвы монарха, который не был бы одновременно и Великим князем Литовским. Полгода спустя Ягайло крестился под именем Владислава, женился на польской королеве Ядвиге, и польская

⁴ Половина всех православных монастырей была создана в это время, прежде всего во второй половине XIV – первой половине XV в.

шляхта провозгласила (фактически избрала) Ягайло королем Польши, а Великим князем Литовским стал его двоюродный брат Витаутас (Витовт, Витольд).

Во время своего правления Витовт после формального присоединения Литвы к Польше проводил независимую внутреннюю и внешнюю политику. Внутренняя была направлена на укрепление государственной власти на местах, замену вотчинных князей Рюриковичей и Гедиминовичей своими наместниками, внешняя – на территориальное расширение государства. Он продолжал политику своих предшественников (Миндовга, Гедимина, Ольгерда) – политику собирания русских земель. За время своего правления Витовт присоединил к Литве княжества Смоленское и Вяземское, а также целый ряд так называемых верхнеокских княжеств – территории нынешних Калужской, Тульской, Орловской и Курской областей. Как полагают российские и польские историки, он имел "далеко идущие восточные планы", "хотел подчинить себе русские земли, которые были еще под властью татарских ханов" [Жарын, 1995, с. 61].

К.П.: Сохранился ярлык, в котором за помощь в завоевании престола Золотой Орды Тохтамыш обещал Витовту отдать все русские земли.

Э.К.: Уния 1385–1386 гг. означала уничтожение государственной самостоятельности и самобытности Великого княжества Литовского, "втеление" его в Польское королевство. В 1386 г. в обстановке всеобщего сочувствия населения литовско-русская знать попыталась восстать против унии. Во главе восстания встал самый волевой и авторитетный Витовт. Он намеревался стать королем Литвы, но план этот не удалось осуществить из-за противодействия поляков и быстро полонизирующейся литовской аристократии. Компромисс Ягайло и Витовт достигли в 1392 г. Последний был признан пожизненным Великим князем Литовским, но под суверенитетом польского короля. После смерти его владения отходили к польской короне. В 1401 г. был заключен новый договор об унии, который подтвердил условия прежнего договора [Жарын, 1995, с. 61]. После этого оба государя проводили в целом согласованную внешнюю политику, главным событием которой стала битва при Грюнвальде. Ей предшествовало восстание в Жмуди против Ордена. В 1410 г. польские, литовские и русские полки совместно с татарским отрядом одержали решительную победу над Орденом.

К.П.: В унии соединились государства, находящиеся на разительно разных ступенях развития. Литва как государство походила на славянские княжества X–XI вв.; Корона Польская, национальное королевство – в XIV в. уже сословное общество. По этой причине понятия власти и государства у польской землевладельческой шляхты и литовских бояр – военного класса – были разными. Для поляков "втеление" (*applicare*) означало полное политическое подчинение Литвы Польше как политической системе, независимой от монарха в политическом быту. Литовцы "втеление" трактовали только как вено (наследство), которое записал Ягайло Ядвиге как свою собственность (в литовском праве такое имущество наследовали лишь совместные дети, а таковых у Ядвиги и Ягайлы не было, Елизавета-Бонифация умерла при жизни матери).

Смысл текста унии был в том, что литовцы присягнули на верность Ягеллонам и после смерти Витовта обязаны были принять на великое княжение того, кого им поставит король и его наследники. Однако плата за "втеление" в глазах польской политической элиты была чрезвычайно высока и возбуждала великое сопротивление со стороны поляков. Чтобы поддержать унию, шляхта была вынуждена в 1447, 1501, 1506, 1529 гг. выбирать на польский престол Ягеллона, мировоззрение которого далеко не всегда соответствовало польским представлениям об отношениях короля и великого князя. Так, независимая политика Витовта была нарушением соглашения с точки зрения польской знати, но не Ягайлы, который до смерти Витовта сотрудничал с ним с полным взаимопониманием и без особых трений [Halecki, 1919–1920].

Э.К.: При рассмотрении российских работ о Великом княжестве Литовском складывается впечатление, что до начала XV в. господарь – великий князь соединял в своем лице три ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. Он назначал высших должностных лиц, осуществлял дипломатические сношения, решал вопросы о войне и мире. Обладая огромной собственностью по всей стране, имел возможность раздавать великокняжеские – "господарские" имения, замки, дворы и "дворцы" с принадлежащими к ним территориями и населением в управление наместникам – "державцам" во временное или постоянное владение. Ближайшее окружение князя – "господарский совет", "паны-рада" не имели ни постоянного состава, ни определенных функций, и его власть ограничивалась лишь правами и привилегиями отдельных областей.

С начала XV в. власть господаря стала ограничиваться общими правами и привилегиями шляхетского сословия. После 1447 г. господарь лишился права судить и облагать "подданных" шляхты податями и повинностями на общегосударственные нужды, после 1492 г. – назначать на государственные должности лиц не шляхетского сословия и раздавать им господарские имения. Шаг за шагом в привилегиях 1506 г. и в Статуте 1529 г. власть великого князя "законодательно" ограничивалась в пользу "панов-рады", а с 1566 г. – в пользу Великого вального сейма. Таким образом, идет процесс превращения Литвы в шляхетскую республику по типу Польши, где "монарх" являлся лишь пожизненно избираемым президентом с весьма ограниченной властью.

К.П.: Здесь необходимо одно важное уточнение. До начала XV в. не было в Литве никаких особых прав и привилегий для отдельных областей. Они появились лишь после 1440 г. в правление Казимира, но, что важно подчеркнуть, не ограничивали власть господаря, а лишь регулировали земское право, включая полную власть бояр над крестьянами. "Панове рада" появилась после административной реформы 1413 г. и Городельской унии. Ранее существовал "совет" бояр литовских (но не русских), в котором главную роль играли Гедиминовичи. Роль "панов-рады" была подобной роли боярской думы в Московском государстве.

Э.К.: В 1413 г. Витовт и Ягайло "в окружении большого числа прелатов, знати и рыцарей Польского королевства и Великого княжества Литовского" еще раз подписали договор об унии, по которому Великое княжество Литовское находилось под суверенитетом польской короны, но с согласия короля и его коронного совета. Польский король также избирался по согласию с великим князем и его советом. Литовские аристократы-католики получили все права и привилегии, которыми пользовалась польская аристократия. 50 семей литовских бояр-католиков обрели шляхетские гербы. Однако, что важно отметить, православные аристократы аналогичных прав не получили. В результате литовская католическая аристократия заняла господствующее положение в государстве, она образовала раду великого князя, из ее среды стали назначаться наместники в областях. После смерти Витовта (в 1430 г.) литовцы вновь попытались обрести самостоятельность, но с поражением Свидригайло Ольгердовича, боровшегося против Польши, "идея преобразования Литвы в королевство была похоронена" [Жарын, 1995, с. 65]. После недолгого правления Сигизмунда Кейстутовича (1432–1440) управление Польши и Литвы стало осуществляться одним физическим лицом, что способствовало унификации их государственного устройства.

К.П.: Здесь требуется ряд уточнений, характеризующих сложные, иногда парадоксальные отношения. Их легко объяснить, если учесть столкновение разных представлений о мире и о себе у тогдашних польских и литовских аристократов. Так, Свидригайло получил великокняжескую власть от Ягайлы. Далее Свидригайло во все не сразу выступил против Польши за независимость Литвы, наоборот, сначала Польша выступила против Свидригайло из-за его союза с Орденом. Польские войска вступили в Волынь, но Ягайло, великий вождь, который до сих пор не терпел по-

ражений в военных кампаниях, почему-то не смог взять Луцк. Может быть, не хотел победы своего королевства над своим же наследственным княжеством? Эта дилемма будет характерна и для его сына Казимира. Конечно, поляки составили заговор с панам литовскими и прогнали Свидригайло в 1432 г., и после переворота Ягайло согласился на кандидатуру Сигизмунда. Уния была возобновлена в 1432 и 1434 гг., но Свидригайло не сдался и начал войну. До 1438 г. Литва фактически разделилась надвое: часть Литвы под властью Сигизмунда и Русь Свидригайлы (в нее входили Волинь, Киевщина, Северщина, Смоленск, Витебск и частично Полоцкая земля).

Свидригайло стал выражать надежды и стремления Руси, и потому в русской традиции он считается православным, хотя на самом деле был глубоко верующим католиком. В то время никому не мешало иметь одно вероисповедание и отстаивать политические интересы последователей других. Сложными были и перипетии политической борьбы, поскольку за ней стояла не только борьба за власть, но и разное понимание этой власти, разное мировоззрение польской и литовской знати. Так, в 1440 г. королем Владиславом III по желанию литовских панов наместником Литвы был назначен его младший брат Казимир, которого они пытались сделать великим князем, чем порвали унию. Казимир после смерти Владислава III в сражении у Варны (1444) три года отказывался от польской короны, поскольку не хотел принять ее на условиях диктата польских панов.

Э.К.: После 1440-х гг. начался процесс унификации государственного устройства Польши и Литвы. Привилеи (постановления о правах) Сигизмунда 1432 и 1434 гг. распространили права, ранее принадлежавшие только литовской, на русскую православную знать (кроме права занимать высшие государственные должности). В 1447 г. был издан важный общеземский привилей, который дал князьям, панам и шляхте великого княжества все права дворянства Королевства Польского: частную собственность на землю и власть над крестьянами, ненаказуемость шляхтича без судебного разбирательства. Крестьяне шляхетских владений освобождались от платежа податей и исполнения повинностей великому князю, кроме строительства и ремонта городских стен и сооружений, дорог и мостов, имеющих военное значение. Привилей 1447 г. создавал ситуацию перманентного ослабления политических и экономических рычагов управления верховной власти и расширения прав шляхты в ущерб господарским доходам, росту землевладения литовской знати. К тому же более продолжительное пребывание государя в Польше (Кракове) вело к фактическому управлению Литвой местными аристократами, пока, наконец, привилеи великих князей Александра (1492) и Сигизмунда (1506) не узаконили правительственное значение аристократической господарской рады княжества.

К.П.: Но власть литовских панов увеличилась скорее не благодаря закону, а по мере роста их землевладений.

Э.К.: В XVI в. продолжался процесс расширения прав и привилегий шляхты не только путем ущемления властных полномочий господаря, но также за счет прав других социальных слоев. Все важнейшие государственные решения начинает принимать Великий вальный сейм – вседворянское собрание "народа-шляхты". Сначала сеймы были расширенными собраниями "панов-рады", и присутствовавшая на сеймах рядовая шляхта играла роль зрителей. Подобные съезды аристократии и шляхты имели место в 1401 и 1413 гг., когда решался вопрос об унии с Польшей. На этих съездах, кроме "панов-рады", присутствовала шляхта лишь собственной Литвы и Литовской Руси (Подляшья и Западной Белоруссии). В дальнейшем на таких съездах собираются представители шляхты и из других русских областей государства.

К.П.: Как правило, собирались воевода и сопровождающие его низшие чиновники. Вообще, процесс политической "вестернизации" Литвы проходил вовсе не столь стремительно, как может показаться из буквального прочтения исторических доку-

ментов. Прежде всего, заимствованный из польского языка термин "земляне-шляхта" появляется в литовских документах во второй половине XV в. В начале XV в. все решали двор и дружина (бояре) Витовта. На съездах 1401 и 1413 гг. присутствовала отнюдь не шляхта "собственной Литвы и Литовской Руси", как часто пишется в исторических книгах; шляхты как таковой там не было.

Любавский, а потом Н. Максимейко ошиблись по поводу термина "сейм", использованного в Литве для обозначения временных съездов. Цейм (сейм) в Литве не был законодательным учреждением. Местные съезды бояр и знати в русских землях Литвы встречаются фактически с начала XV в., но это были только временные собрания "панов-рады" в присутствии низших чиновников. Цеймами называли собрания шляхты и панов, которые собирались в отдельных землях, когда господарь путешествовал по стране. Особый строй имели собрания-сеймы, созданные для выборов великого князя. Их нельзя считать тождественными польским элекциям. Впервые такой сейм создали в 1492 г. после смерти Казимира IV. Его наследник Александр вместе с "панам-радой" созывали сейм "на избранье господаря", но был он лишь формальностью, поскольку паны "присагнули... иногю господаря не мети, нижи сына его милости". Так же был "избран" великим князем и Сигизмунд I, назначенный Александром в 1506 г. В сейме представителями земель Литвы были воеводы, которых сопровождали 10–20 "старших". До Сигизмунда Старого (1506–1548) литовский сейм не напоминал польского. В источниках мы находим много известий о временных совещаниях, по нескольку раз в год, называемых сеймами "панов-рады", на которых, кроме панов, не было никакого присутствия шляхты.

Э.К.: И все-таки можно говорить, что в XVI в. произошла институционализация шляхты. В 1528 г. был произведен "попис земский": составлен список "земских" имений, чьи владельцы должны были нести военную службу. В XVI в. сеймы превращаются из случайных съездов неопределенного состава в организованное государственное учреждение. Литовско-русская шляхта собиралась на поветовые сеймики для выбора своих "послов" на великий вальный сейм. Все государство было разделено на 13 воеводств и 31 повет. На поветовые сеймики собирались все местные землевладельцы шляхетского звания и урядники земские для совещания – как о своих местных нуждах и потребностях, так и "о потребах Речи Посполитой". Сеймики должны были дать своим "послам" указы или инструкции с полномочием решать вопросы, подлежащие обсуждению вального сейма, и с изложением нужд и пожеланий поветовой шляхты. Возвратившиеся с вального сейма послы давали своим избирателям отчет о своей деятельности и постановлениях сейма.

К.П.: Все это верно для административного строя Литвы лишь после 1566 г. До того времени в Литве было 11 воевод, в том числе смоленский, полоцкий, витебский, киевский, маршалок земли волынской. Область правления воеводы или старосты звали поветом. Поветов, в которых производились выборы послов, до 1566 г. не было. Любавский по материалам "Литовской Метрики" обнаружил до 1529 г. около 150 территориальных единиц, которые назывались поветами. Сеймиков и выборов не существовало. Примерно в 1501 г., завершая унию с Польшей, Александр схитрил, вставив в договор пункт о том, что уния вступит в жизнь после утверждения ее всеми земскими сеймиками, и поэтому уния 1501 г. осталась только на бумаге.

Реформы 1560-х гг., если не полностью, то в основном унифицировали местное самоуправление в Польше и Литве. Унификация прав и привилегий шляхты всех видов вероисповедания (католического, православного, протестантского) в Польше и Литве способствовала окончательному политическому соединению двух государств, что и зафиксировала Люблинская уния 1569 г.

Э.К.: С запаздыванием шли и другие преобразования. Изменялось положение горожан и крестьян, внедрялись новые техника и технология. В городах магдебургское

право постепенно сменяло городские веча – реликты времен Киевской Руси. Процесс перехода начался в конце XIV в. (с Вильны). Получившие магдебургское право города освобождались от управления и суда центральной администрации, а также от повинностей в пользу государства. Они вносили в господарскую казну ежегодный "плат" и должны были нести военную повинность, выставляя определенное количество ратников из мещан. Во главе городского управления стоял войт, сначала назначаемый господарем, затем избираемый горожанами. Войт осуществлял административное, финансовое, хозяйственное и судебное управление городом вместе с избранными населением членами городского совета – радцами (законодательная власть) и бурмистрами (исполнительная). Число радцев колебалось от 6 в мелких городах до 24 в Вильне. Радцы избирали из своей среды на год 2–6 бурмистров: поровну католиков и православных.

К.П.: Здесь следует специально отметить, что магдебургское право не перешло границы Днепра, там оно распространялось уже после Люблинской унии.

Э.К.: Реформы 1560-х гг. закрепили господствующую роль "народа-шляхты" в местном управлении и суде. Земский суд (или "вряд земский") избирался "со всея шляхты повету" и утверждался господарем. Господарь имел право подвергать шляхту личным наказаниям и конфисковать имущество не иначе, как по суду. Все урядники земские утверждались господарем "до живота своего", то есть пожизненно, и могли быть лишены своих должностей не иначе, как по суду. Воеводы и другие назначенные господарем чиновники должны были судить на основании местного права и при участии представителей местного населения. Причем шляхтича чиновники могли судить только за три вида преступлений – разбой, насилие над женщиной и за ранение шляхтича.

Крестьяне до середины XVI в. имели разные права и повинности, изменявшиеся в широких пределах как внутри отдельных земель, так и между разными областями государства. В 1550-х гг. правительство Сигизмунда – Августа провело крупную аграрную реформу, имевшую целью упорядочить и унифицировать крестьянское землепользование, крестьянские платежи и повинности. Все господарские земли были измерены, разделены на "волоки" (участки в 21,3 гектара) и распределены между крестьянами. При этом игнорировались традиционные землевладельческие права крестьян: "крестьянское землевладение было аннулировано как таковое: признано было только одно крестьянское землепользование" [Пушкарев, 1991, с. 134]. Реформа прочно прикрепила крестьян к земле, практически устранила возможность крестьянских переходов и способствовала росту производительности труда. Прогрессивные нововведения в сельском хозяйстве были невозможны без материальной и экономической поддержки. Крестьянин соглашался на лишение личной свободы в обмен на помощь в развитии хозяйства. Возникли и развивались крупные феодальные хозяйства на основе крепостного труда, производившие товарную продукцию, идущую на экспорт.

К.П.: В. Пичета описал эти процессы [Пичета, 1958]. Г. Ловмянский по материалам переписи войска Литовского 1528 и 1567 гг. и других источников вычислил среднегодовой рост населения в первой половине XVI в. – 0,75%. Этот очень высокий для средневековья рост он полагал следствием новой распашки пущ на пограничье после завершения войны с Орденом (границу обозначили в 1469 г., и она оказалась нерушимой со стороны Пруссии до 1795 г., со стороны Латвии до сего дня) и аграрной реформы [Łowmiański, 1998]. Но, конечно, весьма существенным в этой сфере было введение передового для того времени трехполья. Иными словами, интенсивное развитие сельского хозяйства происходило на фоне еще остающихся возможностей для экстенсивного роста. Подобная чрезвычайно благоприятная ситуация способствовала повышению уровня и качества жизни, которое в средневековье находило свое отражение в высоком приросте населения.

Э.К.: Что касается другой части русского народа, жившего сначала в трех великих княжествах – Московском, Тверском и Рязанском, а затем в Московском государстве, то здесь мы видим ситуацию почти диаметрально противоположную. Городское население не знает свобод, сельское – не вступило в эпоху технологической революции, а возможности экстенсивного роста стремительно исчерпываются. Крестьяне зависят от землевладельцев. Земля принадлежит боярам, церкви и государству. Как источник существования земля крепко привязывает к себе крестьян, но не всегда к одному и тому же месту. Крестьянин, по выражению В. Ключевского, был вольным переходящим арендатором чужой земли. Горожане, защищенные только традициями, остаются практически полностью бесправными. Однако не все так однозначно.

Все процессы в Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. я бы разделил на две части по рубежу столетий. В XV в. здесь наблюдается беспрецедентный для средневековья демографический рост, вызвавший Великую экстенсивную распашку лесов и повсеместную антропогенизацию вмещающего ландшафта. На месте редких в середине XV в. одно-двух-трехдворков, связанных между собой лесными тропинками, в конце века появляются крупные села, связанные дорогами. Произошло развитие многих сфер общественной жизни, возникновение и утверждение мощного государства – единственного в Европе, где государственной религией является православие. В это время Москве подчиняется Великий Новгород и происходит исход ряда русских княжеств из Литвы. Этот исход нельзя объяснить только стремлением к сохранению русской знатью властных функций, которые она теряла в Литве. В Московском государстве ею терялась не только власть, но и наследственные земли – вотчины. Князьям и боярам предоставлялась земля в Замосковном крае, куда их переселяли. В исторической литературе главным мотивом перехода, помимо возможности делать служебную карьеру, обычно называют стремление уйти от конфессиональной дискриминации. Русская аристократия, остававшаяся православной, практически была отстранена от власти Городельским привилеем 1413 г., согласно которому высшие должности в государстве могли занимать только католики. Однако в остальном при Витовте не было дискриминации православных христиан в государстве. Господарь обещал своим подданным "права их хрестьянского ни в чом не ломити", не притеснять православную веру и не нарушать интересов православной церкви. Но так ли было во второй половине XV – начале XVI в.?

К.П.: Ряд авторов, в том числе [Backus, 1957], доказали, что в конце XV в. не было гнета православных в Литве. Причины недовольства князей часто носили политический характер. Например, заговор 1481 г. имел династический характер. Заговорщиками были потомки литовского князя Ольгерда – Федор Бельский (сын Ивана Владимировича Олгердовича) и Михаил Олелкович (сын Олелка Владимировича Олгердовича), Иван Юрьевич Гольшанский (родственник королевы Софии, жены Ягайлы). Поводом заговора была утрата Олелковичами Киевского княжества. В компенсацию им выделили менее значимый Слуцк. Были случаи феодального раздела княжеств. Так, у князей Новосильских, Одоевских, Воротынских, Белевских, Вяземских (это все ветви Новосильских) в 1449 г. Казимир отобрал огромную область в верховьях Оки на восток от Смоленщины и отдал ее князю Федору Львовичу Воротынскому с правом вассалитета, как буферное княжество на границе Московского государства. В 1480-х гг. началась междоусобица в роде Новосильских, чему способствовало литовское право, которое позволяло перейти к другому сюзерену со своим владением, если великий князь не выполнил обязанностей опеки и обороны вассала. Переход в Московское государство произошел под военным давлением Ивана III, который принял на службу двух Новосильских.

В то же время Великий князь Литовский Александр пожаловал большие княжества москвичам – Василию Шемякину и Ивану Можайскому и Гедиминовичам – Трубецким, Бельским. Но в 1500 г. все они изменили Александру. О принуждении их

принять католическую веру (не униатскую) говорят только послания Ивана III, но они основаны на доносе одного московского шпиона; других доказательств нет. Князь Константин Острожский в 1500 г. бежал в Литву, занимал самое высокое место среди "панов-рады", нанес поражение московским войскам в 1514 г. Мой анализ исторических событий позволяет говорить, что причиной перехода русской знати пограничья Литвы в Москву было отсутствие каких-либо связей с центром государства.

Э.К.: К концу XV в. в Северо-Восточной Руси обозначились пределы экстенсивной распашки лесов. Индикаторам возникшего дефицита пашни стало появление новых социальных слоев, которых не было в середине века – безземельных крестьян: бобылей и холопов на пашне. В XVI в. волны демографического роста предыдущего столетия, с одной стороны, непрерывно увеличивали давление на старопахотные земли и распаханную целину, с другой – вынуждали осваивать неудобья. Первое вело к переэксплуатации земли, второе – к заболачиванию лесов, а в совокупности к экологическому кризису, который провоцировал развитие социального. К середине XVI в. четко обозначилась и тенденция к запустению худых земель, сокращению размеров запашки [Дегтярев, 1980]. Восстановить плодородие истощенных лесных почв в то время можно было только одним способом – оставить в перелог, то есть предоставить природе возможность самовосстановления. В нечерноземной зоне чаще всего срок перелога до полного восстановления – 150–200 лет. На Руси распространение трехполья и органических удобрений критически запаздывало. В источниках XIV–XV вв. среди повинностей крестьян нет упоминаний о навозном удобрении, третье поле – "паренина" появляется в письменных источниках только с XV в., вывоз навоза – в 1590 г. [Шапино, 1977, с. 50, 58–60]. Но и к 1585 г. из общей площади недавних пахотных земель, достигших почти 60% от всей площади будущей Московской губернии, лишь примерно 5% оставалось под пашней, все остальное – под перелогом. К концу XVI в. подворная пашня сокращается до 2,6 десятины [Каримов, 1997, с. 60]. Несложный расчет показывает, что при безнавозном пахотном земледелии с такой пашни невозможно получить количество хлеба, достаточное для семьи. Поэтому в середине XVI в. русская деревня переступает порог бедности и впадает в нарастающую нищету. Если в XV в. как значительное, а затем и массовое явление на Руси появляется наемный труд, то в XVI – нищенство [Готье, 1937, с. 347].

Дефицит земли ставил под угрозу существование не только общества, но и государства. Оно заявило о своем приоритетном праве уже в 1497 г., когда был принят Судебник, согласно которому вся земля объявлялась государственной собственностью. Государству земля была нужна для помещивания своих слуг – военных и гражданских. В первой половине XVI в., когда были исчерпаны внутренние резервы помещивания (в основном за счет новгородских и псковских земель), возникла идея решения земельной проблемы за счет соседних государств. После захвата Казанского и Астраханского ханств и восстания поволжских народов отобранная победоносная армия была двинута на запад – в Ливонию (1558). В защиту последней выступила Литва, а затем и объединенное польско-литовское государство – Речь Посполитая.

Военные действия велись на территории Великого княжества Литовского, где жили русские. Учитывая, что подавляющее большинство населения Литвы было русское и решался вопрос, вокруг какого государства ему объединяться – вокруг Московии или Речи Посполитой, то вне зависимости от этнического состава армии Речи Посполитой (сколько там было русских, а сколько литовцев, поляков) Ливонская война стала первым актом *гражданской войны* между двумя фактически равновеликими частями тогдашнего русского этноса. Эта гражданская война, с перерывами длившаяся более столетия, стала исходным моментом движения двух частей народа по разным этническим и цивилизационным траекториям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000.
- Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937.
- Дегтярев А.А.* Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.
- Жарын М.* Ягеллоны // История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава, 1995.
- Ионов И.Н.* Российская цивилизация IX – начала XX в. М., 1998.
- Каримов А.Э.* Роль Москвы в формировании культуры природопользования в центральной России (XVI – начало XX в.) // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М., 1977.
- Павленко Н.И., Андреев И.Л.* Россия с древнейших времен до конца XVII века. М., 1997.
- Пичета В.И.* Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958.
- Плано Карпини Дж. дель.* Путешествие в восточные страны. М., 1997.
- Пушкарев С.Г.* Обзор русской истории. М., 1991.
- Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М., 1996.
- Шапиро А.Л.* Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв. Л., 1977.
- Backus O.P.* Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow 1377–1514. Lawrence (Kan.), 1957.
- Halecki O.* Dzieje unii jagiellońskiej. T. 1–2. Kraków, 1919–1920.
- Łowmiański H.* Zaludnienie państwa litewskiego w wieku XVI. Poznań, 1998.
- Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Poznań, 1995.

© Э. Кульпин, К. Петкевич, 2004